

сального христианского вероучения.⁵⁹ Свободны от связи с французским источником лишь три письма: № 17, 31—32. В первом из них рассказываются безобидные анекдоты о скупцах. В двух других поднята политическая тема о взаимоотношениях короля и министров; никаких очевидных резких намеков здесь не проскальзывает, и высказываемые по этому предмету бесами мысли представляют в целом общие места эпохи Просвещения, так что вряд ли могли быть сочтены настолько неуместными, чтобы понадобилось наложить запрет на книжку. Остается лишь вступительное обращение к «Всякой всячине», наполненное острыми против нее выпадами. Составители авторитетного справочника по истории русской журналистики XVIII—XIX вв. с полной определенностью связывают предполагаемое цензурное изъятие номера из продажи именно с этой статьей,⁶⁰ однако во всей литературе об Эмине это утверждение остается единственным и никак не доказанным. Не устраняет неясности и ссылка на издания 1788 и 1791 гг. Если бы августовский выпуск был задержан только за статью против «Всякой всячины», то, исключив ее, все остальные номера можно было бы перепечатать. Поскольку П. И. Богданович этого не сделал, то вполне вероятно, что он располагал комплектом без августовской книжки, что подтверждает ее редкость уже в те годы, но отнюдь не является доказательством ее запрещения. Наконец, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в дальнейших выпусках не проскочило ни единого слова, которое можно было бы истолковать как намек на претерпленные цензурные гонения. Если бы журнал был злободневен в той мере, какая ему приписывается, молчание воинствующего полемиста по случаю столь вопиющего произвола вряд ли было бы возможно.

⁵⁹ «Пусть сходнее будет с разумом, что приличнее земле, нежели солнцу кружиться. Но мне кажется, что совершенное знание о том должно оставить творцу, который знает, что для чего сделал» (VIII, 91).

⁶⁰ Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959, с. 33.

Г. Н. МОИСЕЕВА

ДЕНИ ДИДРО И Е. Р. ДАШКОВА¹

Прежде чем рассказать о взаимоотношениях великого французского энциклопедиста Дени Дидро с Екатериной Романовной Дашковой, необходимо кратко остановиться на биографии этой

¹ Доклад, прочитанный автором на советско-французском симпозиуме «Дидро и Россия», проходившем в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР с 7 по 14 июня 1984 г.

выдающейся русской женщины, связанной сердечной дружбой с французским просветителем.

Е. Р. Дашкова родилась в 1743 г. в Петербурге в семье Романа Илларионовича Воронцова. Дворянский род Воронцовых выдвинулся в 40-х годах XVIII в. в период правления императрицы Елизаветы Петровны, на двоюродной сестре которой был женат дядя Екатерины Романовны — Михаил Илларионович Воронцов, выдающийся государственный деятель, канцлер в правительстве Елизаветы Петровны. Рано потеряв мать, Екатерина Романовна Воронцова воспитывалась в доме дяди — М. И. Воронцова — и получила превосходное образование: она свободно владела четырьмя европейскими языками — французским, немецким, английским и итальянским, хорошо играла на фортепиано, пела и рисовала.

Еще в детстве Е. Р. Воронцова отличалась большой начитанностью и серьезностью в выборе литературы. В своих «Записках» она вспоминает: «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало... Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы, желая прослыть меценатом, выписывал из Франции все вновь появлявшиеся книги... он предложил снабжать меня всеми литературными новинками». Ее библиотека заключала «к тому времени 900 томов». «В этом году я купила Энциклопедию и словарь Морери. Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги», — писала в «Записках» Дашкова.²

Образованность Е. Р. Воронцовой сблизила ее с женой наследника русского престола великой княгиней Екатериной Алексеевной — будущей императрицей Екатериной II. Они проводили вместе вечера, и Е. Р. Воронцова прониклась большой дружбой к Екатерине Алексеевне, хотя к этой дружбе весьма отрицательно относился наследник престола Петр III.

Екатерина Романовна рано вышла замуж за гвардейского офицера князя Михаила Ивановича Дашкова. Семейные заботы, рождение дочери Анастасии не ослабили ее дружбы с великой княгиней. После смерти императрицы Елизаветы в декабре 1761 г. на русский престол вступил Петр III. Он презирал русских, нарочито подчеркивал свое особое отношение к прусскому королю Фридриху, откровенно третировал свою супругу Екатерину Алексеевну. В этой трудной дворцовой ситуации Е. Р. Дашкова оказала великой княгине большие услуги, буквально рискуя не только своей жизнью, но и судьбой близких ей людей — горячо любимого мужа М. И. Дашкова, дяди — М. И. Воронцова, дядей по мужу — Н. И. и П. И. Паниных.

Е. Р. Дашкова была одной из активных участников дворцового переворота 1762 г., благодаря которому Петр III был отстранен от власти и на русский престол вступила императрица

² Записки Екатерины Дашковой / Подгот. текста, ст. и коммент. Г. Н. Моисеевой. Л., 1985, с. 5—6.

Екатерина II. Как и другие участники этого дворцового переворота, Е. Р. Дашкова получила от Екатерины II щедрые вознаграждения и первый, высший, придворный чин — статс-дамы. Однако довольно скоро между новой императрицей и Е. Р. Дашковой произошла крайне серьезная размолвка, о которой я более подробно остановлюсь ниже, при характеристике отношений Е. Р. Дашковой с Д. Дидро.

В 1762 г. у Е. Р. Дашковой родился сын Павел, но в конце 1764 г. ее постигло большое горе: неожиданно умер М. И. Дашков. Екатерина Романовна осталась одна с двумя детьми. В течение пяти лет она вела сама хозяйственные дела по имению, чтобы рассчитаться с долгами, сделанными ее покойным мужем, и в 1769 г. получила разрешение Екатерины II на поездку за границу с целью образования детей и поправления здоровья.

Во время первого путешествия Е. Р. Дашковой по европейским странам она побывала в Германии, Голландии, Англии, Швейцарии, Австрии и Франции.

В своих «Записках» Е. Р. Дашкова пишет: «В Париже я пробыла всего 17 дней и не хотела видеть никого, за исключением Дидро. Я посещала церкви и монастыри, где можно было видеть статуи, картины и памятники. Я была и в мастерских знаменитых художников, и в театре, где занимала место в райке. Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз... Обыкновенно же я выходила из дому в 8 часов и до трех пополудни разъезжала по городу, затем останавливалась у подъезда Дидро; он садился в мою карету, я везла его к себе обедать, и наши беседы с ним длились иногда до двух, трех часов ночи».³

О чем же беседовала 27-летняя Е. Р. Дашкова с 57-летним Дидро, что вызывало этот взаимный интерес?

Об этом мы можем судить из нескольких источников и прежде всего из писем и сочинений Дени Дидро и из «Записки», названной «*Mon histoire*» («Моя история», то есть «История моей жизни») Е. Р. Дашковой, которая была написана в 1803—1805 гг.

Безусловно, важнейшее место в разговорах Дидро с его русской собеседницей занимали вопросы общественной жизни, проблемы государственного устройства и положение народа. Дидро писал: «...вечером я приходил к ней потолковать о предметах, которых глаз ее не мог понять и с которыми она могла вполне ознакомиться только с помощью долгого опыта, — с законами, обычаями, правлениями, финансами, политикой, образом жизни, науками, литературой: все это я объяснил ей, насколько сам знал».⁴

В своих «Записках» Е. Р. Дашкова рассказывает о том, как у нее с Дидро возник спор о крепостном праве («о рабстве на-

³ Там же, с. 78—79.

⁴ *Sur la princesse Daschkoff. Oeuvres complètes de Diderot.* Paris, 1876. t. 17, p. 487—490.

ших крестьян»), который произошел по инициативе великого французского просветителя, поборника освобождения народа. Е. Р. Дашкова передает его так:

«У меня душа не деспотична, — ответила я, — следовательно, вы можете мне верить. Я установила в моем орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограбления и притеснений мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов. Дворяне служат посредниками между крестьянами и казной, и в их интересах защищать их от алчности губернаторов и воевод.

— Но вы не можете отрицать, княгиня, что, будь они свободны, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

Если бы самодержец, — ответила я, — разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиками, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы свою кровь подписалась бы под этой мерой. Впрочем, простите мне, если я вам скажу, что вы спутали следствие с причинами. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления.

— Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убедили». ⁵

Дидро действительно невозможно было убедить в каких-либо положительных сторонах крепостного права. Об этом мы знаем и из его бесед с императрицей Екатериной II во время его пребывания в Петербурге в 1773—1774 гг.

О доверительности отношений Е. Р. Дашковой и Д. Дидро свидетельствует следующее наблюдение.

Выше было указано о разрыве отношений Е. Р. Дашковой с Екатериной II, который произошел в 1762 г. В «Записках» Е. Р. Дашковой как-то очень завуалированно, скорее намеками сказано о том, что после торжественного коронавания Екатерины II в Москве у Григория Орлова и его сообщников возник план «избрать его в супруги» императрицы. Е. Р. Дашкова говорит «о мужественном» поведении ее дяди, канцлера М. И. Воронцова, который, узнав об этих планах Орловых, поехал к Екатерине II и «выразил мнение, что по всей вероятности народ не пожелает видеть Орлова ее супругом». О своей позиции в этом вопросе Е. Р. Дашкова не говорит, но сообщает, что Екатериной II через Г. Н. Теплова было послано письмо ее мужу, М. И. Дашкову, «в котором императрица выражала надежду, что

⁵ Записки Екатерины Дашковой, с. 79—80.

не окажется вынужденной забыть мои заслуги и потому просит мужа повлиять на меня в том смысле, чтобы я не забывалась, так как до нее дошли слухи, что я осмеливаюсь ей угрожать».⁶

Очевидно, Е. Р. Дашкова говорила по этому вопросу с Д. Дидро и подробно и откровенно рассказала ему о том, как после восшествия на престол Екатерины II стала известна ее интимная связь с Григорием Орловым, пожелавшим к тому же стать ее законным супругом и российским императором. Дидро пишет об этом: «Между тем тайна брака (Екатерины II. — *Г. М.*) обнаружилась, негодующий народ сорвал один из портретов императрицы и, отстегав его плетью, разорвал в клочки. На княгиню (Е. Р. Дашкову. — *Г. М.*) пало подозрение в соучастии с ее друзьями, и ее спасли от ареста только болезни родов... Четыре офицера, участники заговора, были сосланы в Сибирь».⁷

Дени Дидро отвечал Е. Р. Дашковой самым дружеским участием в ее судьбе. Он настойчиво советовал ей не принимать двух знаменитых французских дам, жаждавших встречи с нею. Дидро сказал Е. Р. Дашковой, что Мари-Тереза Жоффрен, «одна из первых кумушек Парижа», так же как и Сюзанна Неккер, хотя ее видеть, чтобы потом посплетничать о ней. Еще более важную услугу Дидро оказал Е. Р. Дашковой в том, что убедил ее не принимать бывшего атташе французского посольства в Петербурге Рюльера, автора книги о дворцовом перевороте 1762 г. «Я не знала, — пишет Е. Р. Дашкова, — что по возвращении своем из России он (Клод Рюльер. — *Г. М.*) составил записки о перевороте 1762 года и читал их повсюду в обществе».⁸ Дидро рассказал Е. Р. Дашковой о содержании записок Рюльера, в которых он раскрывает закулисную сторону жизни русского двора. Екатерина II предложила Рюльеру купить его произведение, но получила отказ, и Дидро удалось только «взять с него обещание не издавать его книги при жизни императрицы». Встречи Е. Р. Дашковой с Клодом Рюльером в Париже могли ухудшить еще больше отношение к ней Екатерины II.

В прекрасных письмах Дидро к Е. Р. Дашковой сохранилась та теплая доверительность отношений, которая была характерна для их парижских встреч. Дидро напоминает Е. Р. Дашковой об их беседах: «... когда Вы, облокотившись на камин, следили за выражением моей физиономии». Он хорошо помнит, как она пела ему русские романсы и народные песни: «Как Вы счастливы, княгиня, с Вашей вдохновенной любовью к музыке».⁹

Нравственный облик Е. Р. Дашковой, ее яркая личность произвели глубокое впечатление на великого французского просветителя. Его восхищала твердость ее характера «как в пенависти,

⁶ Там же, с. 64.

⁷ Sur la princesse Daschkoff, p. 488.

⁸ Записки Екатерины Дашковой, с. 81.

⁹ Письма Д. Дидро к Е. Р. Дашковой. См. Прилож. к изданию: Записки княгини Е. Р. Дашковой. Перевод с английского языка. London, 1859, с. 368.

так и в дружбе», мужество, с которым она переносила свою «темную и бедную жизнь», естественность ее поведения и полное отсутствие светской жеманности.

Позднее Дидро писал о Е. Р. Дашковой: «...это серьезный характер. По-французски она изъясняется совершенно свободно. Она не говорит всего, что думает, но то, что говорит, излагает просто, сильно и убедительно. Сердце ее глубоко потрясено несчастьями, но в ее образе мысли проявляются твердость, возвышенность, смелость и гордость. Она уважает справедливость и дорожит своим достоинством... Княгиня любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего отечества. Она горячо ненавидит деспотизм и любые проявления тирании. Она имела возможность близко узнать тех, кто стоит у власти, и откровенно говорит о добрых качествах и недостатках современного правления. Метко и справедливо раскрывает она достоинство и пороки новых учреждений».¹⁰

Под непосредственным впечатлением их знакомства Дидро написал ее портрет: «Княгиня Дашкова — русская душой и телом... Она отнюдь не красавица. Невысокая, с открытым и высоким лбом, пухлыми щеками, глубоко сидящими глазами, не большими и не маленькими, с черными бровями и волосами, несколько приплюснутым носом, крупным ртом, крутой и прямой шеей, высокой грудью, полная — она далека от облика обольстительницы. Стан у нее неправильный, несколько сутулый. В ее движениях много живости, но нет грации... Печальная жизнь отразилась на ее внешности и расстроила здоровье. В декабре 1770 года ей было только двадцать семь лет, но она выглядела сорокалетней...»¹¹

Знакомство с Е. Р. Дашковой произвело на Дидро сильное впечатление и, можно думать, сыграло не последнюю роль в его решении посетить давно интересовавшую великого философа Россию.

Дидро осуществил свою поездку в сентябре 1773 г. Но с Е. Р. Дашковой в России ему повидаться не удалось. Приехать в ее подмосковное имение Троицкое он не смог по состоянию здоровья. Дидро писал Е. Р. Дашковой: «...несчастливая машина, расстроенная утомительным путешествием, окутанная от холода шубой в пятьдесят фунтов веса, изящная, истасканная и дрожащая... истинно жалкая машина не позволяет мне явиться к Вам».

Е. Р. Дашковой, по-видимому, приехать в Петербург было рискованно. Н. Я. Эйдельман высказал достаточно убедительную догадку о причастности Е. Р. Дашковой к заговору Н. И. Панина с целью возвести на русский престол наследника Павла, достигшего совершеннолетия, ограничив его власть конституционными законами. Заговор был раскрыт, Павел выдал Екатерине II

¹⁰ Sur la princesse Daschkoff, p. 489.

¹¹ Ibid.

всех его участников, которые были смещены со своих постов. Е. Р. Дашкова, разделявшая взгляды Н. И. Панина на необходимость ограничения самодержавной власти государя, вероятнее всего находилась в 1773—1774 г. снова в немилости у самодержавной императрицы, не желавшей никаких ограничений в своем государственном управлении.

Находясь в Петербурге, Дидро понял, что те идеи, которые он раскрывал Екатерине II, никакого практического применения в России иметь не будут. В письме к Е. Р. Дашковой он писал, что развивал перед императрицей идеи народовластия с той же свободой, «с какой Вы позволяли мне говорить на улице Гревиль». В том же письме к Е. Р. Дашковой находится и знаменитая характеристика Екатерины II. Дидро писал: «... я нашел ее совершенно похожей на тот портрет, в котором Вы представляли мне ее в Париже, — в ней душа Брута с сердцем Клеопатры...»¹² Дидро, очевидно, понял, что знаменитая «ученица французских философов» — российская императрица совершенно не склонна на деле осуществлять их политические рекомендации. В письме к Е. Р. Дашковой он так сформулировал свой вывод, к которому пришел вскоре по приезду в Россию: «Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совершенно другой цвет».¹³

Е. Р. Дашкова встретила с Дени Дидро в Париже в 1781 г., во время второй поездки за границу с целью совершенствования образования сына Павла. Она проводит много времени в обществе философа. «Он встретил меня с прежним радушием», — пишет Е. Р. Дашкова. От Дидро Е. Р. Дашкова узнала, что в Париже находится Э.-М. Фальконе, автор памятника Петру I, и его ученица М.-А. Колло. Она приглашает их к себе вместе с Дидро. Это были последние встречи Е. Р. Дашковой с великим просветителем. В «Записках» Е. Р. Дашковой, которые писались, как уже говорилось выше, в 1803—1805 г., то есть более чем через тридцать лет после первой встречи с Дидро, Е. Р. Дашкова проникновенно писала: «Все мне нравилось в Дидро, даже его горячность. Его искренность, неизменная дружба, пронизательный и глубокий ум, внимание и уважение, которые он мне всегда оказывал, привязали меня к нему на всю жизнь. Я оплакивала его смерть и до последнего дня моей жизни буду жалеть о нем. Этого необыкновенного человека мало ценили; добродетель и правда были двигателями всех его поступков, а общественное благо было его страстною и постоянною целью».¹⁴

Но только ли в этом воспоминании-некрологе сказалось отношение Е. Р. Дашковой к Дидро? Полагаю, что нет.

В декабре 1781 г. Е. Р. Дашкова с сыном вернулась в Россию. В 1783 г. Екатерина II предложила ей занять место ди-

¹² Письма Д. Дидро к Е. Р. Дашковой, с. 429.

¹³ Там же, с. 365.

¹⁴ Записки Екатерины Дашковой, с. 81.

ректора Академии наук, и в том же году Е. Р. Дашковой был разработан грандиозный план Российской Академии — нового учреждения, целью которого было изучение отечественного языка и литературы. В 1783 г. Российская Академия была открыта, и Е. Р. Дашкова была назначена ее первым президентом.

Боле десяти лет Е. Р. Дашкова одновременно управляла Академией наук и Российской Академией, достигших при своем «доблестном начальнике» больших успехов в науке.

В достижениях Российской Академии и Академии наук конца XVIII в., в умении Е. Р. Дашковой при создании национальной науки опираться на передовую демократическую интеллигенцию, в понимании главных задач этой науки, без сомнения, сказались те мудрые беседы, которыми обогатил ее в Париже на улице Гренвиль французский просветитель, великий писатель, человек энциклопедических знаний — Дени Дидро.

В. П. СТЕПАНОВ

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ Д. И. ФОНВИЗИНА В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «НЕДОРОСЛЯ»

Фонвизин начал работать над «Недорослем» после первого заграничного путешествия. Первое сообщение о том, что комедия продвигается вперед и получается удачной, относится к июлю 1779 г. 11 числа начинающий поэт Михаил Никитич Муравьев сообщил об этом в Москву своему приятелю Д. И. Хвостову со слов актера и режиссера Санкт-Петербургского театра И. А. Дмитриевского: «Денис Иванович пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич».¹ Из переписки аббата Пикара с его воспитанниками братьями Куракиными, путешествовавшими по Европе, мы знаем, что «Недоросль» был закончен в марте 1782 г.; однако, видимо, до сентября 1782 г., когда состоялось первое представление комедии в Петербурге, пьеса могла еще дорабатываться. Этот круг устных источников, включающий как литературную, так и нелитературную среду, показывает, что новый замысел Фонвизина ни для кого не был тайной. С течением времени, вероятно, становились известными и кое-какие детали будущей комедии, а возможно, и ее общего политического замысла. Одним словом, ожидаемое будущее выступление уже давно молчавшего драматурга должно было привлечь вновь внимание к нему.

¹ ПД, ф. 322, № 59, л. 44. См. также: Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 151; Русские классики и театр. Л.; М., 1947, с. 87.